

УДК 902–904+39 (571.1)
DOI: 10.17223/19988613/49/18

Н.В. Торошина, И.В. Чернова

СОПОСТАВЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРИТЫМЬЯ (НА ПРИМЕРЕ ЮРТ НАПАС)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках гранта № 17-11-70003
«Эвенки юга Западной Сибири: создание комплексной источниковой базы».*

Публикация посвящена изучению локального региона Притымья (Каргасокский район Томской области) и истории конкретного населенного пункта пос. Напас с целью определения состава и количества населения по метрическим книгам для последующего сопоставления с данными половозрастной и социальной стратификации палеопопуляции могильников Бедеревский Бор I, II на р. Тым. Ближайшей исследовательской задачей является определение состава населения юрт Напас в период XIX – начала XX в. как базы для сопоставлений и реконструкций.

Ключевые слова: Нарымское Приобье; р. Тым; Бедеревский Бор; пос. Напас; локальная история; археология; этнография.

Вопросы методики корреляции двух типов исторических источников (вещественных и письменных) по коренным народам Притымья рассматривались авторами на примере сопоставления данных о палеопопуляции селькупского кладбища бывшего пос. Варгананжино, существовавшего в 1850–1960-е гг. на р. Тым (Каргасокский район, Томская область), со сведениями об умерших жителях этого поселка из метрических книг Тымской Троицкой церкви (далее – книги). Учитывая хронологическое покрытие одного источника другим, авторы определяли возможность достоверного установления личностей индивидов, похороненных с определенными особенностями [1]. Использование данных книг для последующего анализа материалов могильников XV – первой половины XVIII в. Бедеревский Бор I, II на р. Тым имеет свой исследовательский потенциал и проводится впервые. Археологические памятники были раскопаны в XX в. П.И. Кутафьевым (1938), Н.М. Зиняковым (1974) и А.И. Бобровой (1989–1991) [2. С. 90].

Могильники в урочище Бедеревский Бор находятся на территории расселения нарымских селькупов диалектной группы «чумылькуп» [3. С. 50, 52]. На их землях в XVII в. была образована Тымская (1-й половины) инородческая волость Томского округа, административно относившаяся к Сургутскому уезду. После разделения ее на две части в 1701 г. население Притымья вошло в Нарымский уезд. Урочище находится на левом берегу р. Могильная Акка, правого притока р. Тым, в 10 км выше пос. Напас (бывших юрт) – одного из древних пунктов на р. Тым. По сведениям местных жителей, могильники Бедеревский Бор I, II были родовыми некрополями жителей Напасских юрт. В 1930–1940-х гг. в урочище Бедеревский Бор уже не хоронили, а местные старожилы утверждали, что там похоронены некрещеные, «давнишние» люди. Более позднее место захоронения жителей Напаса – старое остяцкое кладбище, рядом с пос. Новый Напас [2; 4. С. 231–233].

Цель исследования – определить состав и количество населения юрт Напас по метрическим книгам для последующего сопоставления с данными половозрастной и социальной стратификации палеопопуляции могильников Бедеревский Бор I, II. Ближайшей исследовательской задачей является определение состава населения юрт Напас в период XIX – начала XX в. как базы для сопоставлений и реконструкций.

По данным Е.Д. Прокофьевой, юрты Напас были центром объединения, связанного с родом Ястреба – 'Мулинт тамтыр' [5. С. 90]. По данным А.П. Дульзона [4. С. 231–233] и Г.И. Пелих [6. С. 93], жителями этого населенного пункта являлась семья Мулиных. Точные границы территорий этого рода и количество входивших туда чвэчом («братская семья») определить пока не удалось. Первые сведения о местонахождении юрт Напас появляются в клировых ведомостях Тымской Троицкой церкви в начале 1860-х гг., где указывается расстояние до них от с. Тымского в 160 верст. В начале XX в. вблизи юрт Напас возникает еще один населенный пункт, в документах именуемый по-разному: «Напас на протоке», «2-й Напас», «Напас верхний». В 1920–1930-х гг. появляются названия «Старый Напас», «Зимний Напас», «Летний Напас».

Число жителей в Напасских юртах на протяжении XIX в. довольно стабильно и большое по сравнению с другими населенными пунктами. Конкуренцию по численности Напасским юртам могли составить только юрты Казацкие, Ачангины, Кулеевы. В начале XIX в. в Напаса проживали более 50 человек, представители трех фамилий: Позыгибины, Пыкшины и Мулины [7. Л. 13, 25 об.]. Численность населения в 1860–1880-е гг. в юртах, выявленная по клировым ведомостям Тымской Троицкой церкви, показана в таблице [8].

Источники показывают довольно стабильный количественный состав населения при увеличении числа семей. Увеличение числа семей, которое для русской администрации соответствовало количеству домов,

происходило на фоне пресечения фамилий Позыгибины и Пыкшины в данных юртах. Можно предполагать, что в разветвлявшейся семье Мулиных взрослые сыновья строили для своих семей отдельные дома. К сожалению, в нашем распоряжении нет клировых

ведомостей за 1890-е гг. и начало XX в., но, по данным опубликованных статистических источников, на 1897 г. в 1-м Напаса проживало 5 семей (13 муж. и 14 жен.), а во 2-м Напаса – 4 семьи (9 муж. и 8 жен.). Общая численность жителей составила 44 чел. [9. С. 156–157].

Численность населения юрт Напас в 1860–1880-е гг.

Год	Количество семей	Лиц мужского пола	Лиц женского пола	Общее число жителей
1860	4	31	21	52
1861	4	28	20	48
1864–1866	3	32	19	51
1868	5	28	19	47
1883	6	25	25	50
1887	7	28	30	58
1889	7	29	27	56

Для оценки численности и прироста населения важными показателями являются количество детей в семье и детская смертность. Нами проанализированы данные по 2 супружеским парам Позыгибиных, 7 супружеским парам Пыкшиных и 27 супружеским парам Мулиных. При отсутствии уверенности, что в метрические книги попали данные обо всех детях и, видимо, была довольно значительная недофиксация сведений о детях, умерших в период от навигации до навигации, все же данные весьма показательны.

В семьях братьев Позыгибиных родились по 4–5 детей. Дожили до брачного возраста не менее трех детей. Несмотря на данные показатели, фамилия сошла на нет. Возможно, причинами стало малое уже к началу XIX в. количество представителей семьи и преобладание среди детей девочек. В семьях Пыкшиных детей в среднем рождалось меньше (три ребенка), доживали до брачного возраста менее двух, эти данные вполне соответствуют ситуации сокращения общей численности семьи и практически пресечения фамилии Пыкшиных. В семьях Мулиных в среднем рождались три ребенка и выживали два. Эти данные опять же соответствуют небольшому, но стабильному количеству членов данной семьи в традиционно обжитом ими пространстве.

Для характеристики семейного состава жителей юрт Напас собран материал из метрических книг начиная с 1805 г., наиболее поздняя книга относится к 1920 г. Выстроены родословные Позыгибиных, Пыкшиных и Мулиных. Позыгибины представлены семьями двух братьев – Федора и Христофора Афанасьевичей. Оба брата были женаты дважды, обе семьи были многодетные. Отсутствие метрических книг на конец 1850-х и 1860-е гг. не позволяет проследить судьбу этих семей в указанный период, однако в 1870-е гг. встречается лишь один представитель этой семьи – Иван Егорович Позыгибин [10, 11]. Можно констатировать, что в Тымском приходе данная фамилия пресеклась по мужской линии.

Сложность описания семьи ясачных Пыкшиных, проживавших в юртах Напас, состоит прежде всего в ее созвучии еще двум распространенным в Тымском приходе фамилиям: Пыршины и Пычкины. При заполнении метрических книг фамилии часто искажались, но

все же удалось установить, что Пыкшины с начала XIX в. стабильно проживали в юртах Напас. Первыми в книгах упомянуты Никифор Сидорович и Семен (?) Пыкшины, о которых почти ничего не известно. Сыном Семена, вероятно, был Семен Семенович Пыкшин, у которого, в свою очередь, было два взрослых сына: Василий Семенович (1784–1728) и Семен Семенович. У супругов Василия Семенова и Евдокии Васильевой зафиксировано четыре дочери и четыре сына, но сыновья, вероятно, умерли, не оставив потомства, и эта ветвь рода Пыкшиных пресеклась уже к 1870-м гг.

Сын Семена Семеновича, Степан (1796–1831), имел трех сыновей: Ивана и Устина, не оставивших потомков по мужской линии, и Прокопия, единственный выживший сын которого Петр (1849–1894) продолжил род Пыкшиных. Прокопий Степанович Пыкшин скончался в 1912 г., пережив сына Петра, умершего в 1894 г. В 1915 г. скончался от чахотки его внук Тихон Петрович Пыкшин, не оставивший детей мужского пола. О браке и детях его брата Тимофея Петровича Пыкшина сведений в книгах Тымского прихода нет. Дата его смерти осталась за пределами существования метрических книг. Даже если в 1920-е гг. Тимофей Петрович Пыкшин продолжил фамилию, можно заключить, что численность семьи свелась к нескольким персонам.

Наиболее представительна в юртах Напас семья Мулиных. Первым зафиксирован в метрических книгах в начале XIX в. Константин Изотович Мулин, умерший в 1808 г. в возрасте 44 лет. Его дети Василий, Александр и Матвей Константиновичи Мулины были главами больших семей. Но только сыновья Александра – Петр и Федор – дожили до детородного возраста, однако потомков по мужской линии не оставили, на них эта ветвь семьи Мулиных пресеклась. В книгах 1810-х, 1820-х гг. обнаружено еще шесть представителей семьи Мулиных, которых из-за фрагментарности сведений не удалось включить в общее родословное древо.

Наиболее хорошо простроенной оказалась ветвь, идущая от Василия (?) Мулина (1796–1821) и его сына Петра Васильевича Мулина (?–1820). Сын Петра Васильевича – Тихон, вероятно, умер рано и не оставил выживших детей. Потомство же Ивана Петровича (1780–

1820) было многочисленным. Из его четверых взрослых сыновей в следующем поколении пресекался род сына Семена Ивановича на его сыне Николае.

Ксенофонт Иванович Мулин имел четырех сыновей. Сведения о сыне Федоре обрываются в 1840-х гг. У Алексея Ксенофонтovichа не осталось сыновей. У Ильи Ксенофонтovichа выжил сын Тимофей Ильич. У Александра Ксенофонтovichа выжил сын Митрофан Александрович (1839–1898), у него было много детей, но потомков по мужской линии не осталось. Таким образом, ветвь Ксенофонта Ивановича Мулина, видимо, пресеклась.

Другой сын Ивана Петровича Мулина – Тихон Иванович Мулин – имел четырех сыновей: Николая, Мефодия, Федора и Петра. Во второй половине XIX в. потомки Николая, Мефодия и Федора книгами не фиксируются. А Петр Тихонович Мулин (1839–1904), его сын Николай Петрович и внуки Михаил Николаевич (1895 г.р.) и Дмитрий Николаевич (1899 г.р.) были жителями Напаса на рубеже XIX и XX вв.

Наиболее перспективной оказалась линия, идущая от сына Михаила Ивановича Мулина (1826–1885). Его сын Лаврентий Михайлович (1839–1910), внуки Данил Лаврентьевич, Николай Лаврентьевич, их жены и дети фиксируются метрическими книгами в начале XX в. Старший сын Михаила Ивановича, Иван Михайлович Мулин (1826–1885), имел одного взрослого сына – Никифора Ивановича (1855–1895). Зато у Никифора Ивановича Мулина было три сына – Петр, Иван, Никита. Они и их потомки жили в юртах Напас в начале XX в.

Потомки среднего сына Михаила Ивановича Мулина, Тимофея Михайловича Мулина, а именно дети внука Никиты Тимофеевича Мулина – Петр Никитич, Дмитрий Никитич, Константин Никитич и Николай Никитич, родившиеся в конце XIX в., – не только фиксируются метрическими книгами начала XX в. и документами советского делопроизводства 1920–1930-х гг., но также упоминаются в родословных, составленных А.П. Дульзоном во время его экспедиций на Тым в 1950-х гг. [12]. Один из «Никитичей» – Дмитрий Мулин – женился в 1916 г. на Варваре Тихоновне Илыгиной и числился в документах как «царь», а его жену Варвару Тихоновну Мулину многие старожилы вплоть до 1950-х гг. называли «царицей Тыма».

Подводя итоги, можно заключить: метрические книги позволяют сделать вывод о том, что в XIX – начале XX в. среднестатистическая численность населения в Напаса составляла приблизительно 50 чел. Выявлено

стабильное проживание на протяжении более 100 лет определенного количества населения одного и того же этноса, со сложившимся культурно-хозяйственным укладом. Отмечено отсутствие природных, социальных потрясений, таких как эпидемии, массовые миграции. Соответственно, можно предполагать, что и в более ранний период, при тех же условиях, численный и социальный состав населения был приблизительно таким же.

Так как метрическими книгами учтено население с 1805 г., можно предполагать, что зафиксированные источником умершие жители зрелого возраста являлись старожилками и проживали в Напаса как минимум со второй половины XVIII в.

Когда состоялась христианизация населения Притымья, документально не установлено, но на 1805 г. оно было полностью христианизировано. Причем отсутствие данных о более позднем крещении отдельных взрослых жителей прихода свидетельствует о единовременной христианизации населения.

Для исследования погребального обряда населения Притымья важным фактом является существование при юртах Напас собственного кладбища как минимум со второй половины XIX в., а вероятнее всего, ранее. Отмечается захоронение по православному обряду, что не исключает использование элементов традиционной погребальной обрядности в начале XX в., о чем свидетельствуют материалы кладбища Варгананжино [1].

Несмотря на то что в самосознании населения Притымья Мулины сохранились как коренная и единственная фамилия, проживавшая в Напаса, еще на начало XIX в. здесь зафиксированы представители трех семей: Позыгибиных, Пыкшиных и Мулиных. К концу XIX в. на фоне пресечения по мужской линии фамилий Позыгибины и Пыкшины увеличивается общая численность жителей Напаса и количество семей Мулиных, что может объясняться распадом большой патриархальной семьи на малые семьи. Это приводит к возникновению еще одного населенного пункта – Новый, или 2-й Напас.

В 1920–1930-е гг. после становления Напаса как одного из административных центров Тымского района начинается активное подселение коренного населения из других юрт и других приходов, русских и представителей других национальностей. Увеличивается численность населения, но одновременно идут процессы, усилившие размывание традиционной культуры аборигенного населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Торошин А.Г., Торошина Н.В., Чернова И.В. Опыт сопоставления данных селькупского кладбища Варгананжино с архивными и экспедиционными материалами, методика их интерпретации // Тезисы докладов V(XXI) Всероссийского археологического съезда. URL: http://konf.asu.ru/archeo/?page=org_vznos.
2. Боброва А.И., Торошина Н.В. Половозрастные особенности обряда погребения населения Притымья в XV–XVII веках (по материалам могильников урочища Бедеревский бор) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13, № 7. С. 89–98.
3. Тучкова Н.А., Глушков С.В., Кошелева Е.Ю. и др. Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 318 с.
4. Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск : Типография № 1 Полиграфиздата, 1956. Т. 5. С. 89–316.
5. Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР. 1952. Т. 1. С. 88–107.

6. Пелих Г.И. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск : Наука, 1981. 177 с.
7. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 144. Оп. 1. Д. 1. Ведомость, учиненная в Нарымском земском суде, сколько состоит в уезде оного волостей русских и ясяшных в них селений и в селениях число ревизских душ и при каких тех селений река значится по сим. Л. 13, 25 об.
8. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 232. Клировые ведомости Нарымского благочиния 1860 г. Л. 44–47; Д. 305. Клировые ведомости Нарымского благочиния 1861 г. Л. 41–43; Д. 409. Клировые ведомости Нарымского благочиния 1864 г. Л. 48–51 об; Д. 433. Клировые ведомости Нарымского благочиния 1865 г. Л. 50–52 об; Д. 526. Клировые ведомости Нарымского благочиния 1866 г. Л. 57–60; Д. 673. Клировые ведомости Нарымского благочиния 1868 г. Л. 52–56; Д. 1347. Клировые ведомости Нарымского благочиния 1883 г. Л. 45–49; Д. 1615. Клировые ведомости Нарымского благочиния 1887 г. Л. 47–51; Д. 173. Клировые ведомости Нарымского благочиния 1889 г. Л. 48–53.
9. Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири: Язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 2: Тобольская, Томская и Тюменская губернии // Записки Русского географического общества по отделению статистики. СПб., 1911. Т. 11, вып. 2. 432 с.
10. Метрические книги прихода Тымской Троицкой церкви за 1803–1839 гг. // Государственный архив Новосибирской области. Ф.-Д. 156. Оп. 1. Д. 5352.
11. Муниципальный архив Администрации Кargasokского района Томской области. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3. Метрическая книга родившихся, бракосочетавшихся и умерших Тымско Свято-Троицкой церкви (с. Тымск). Л. 70 об.–71.
12. Родословные семьи селькупов Мулиных // Архив кафедры языков народов Сибири им. А.П. Дульзона Томского государственного педагогического университета. Селькупский язык. 2-й раздел. 1953 г. Архивные материалы. Л. 505–506.

Toroshchina Natalia V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: natator@mail.ru; *Chernova Irina V.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: ikar561965@mail.ru

COMPARING ARCHAEOLOGICAL AND WRITTEN SOURCES IN THE STUDY OF TYM RIVER REGION AS A PROSPECTIVE LINE OF RESEARCH: THE CASE OF NAPAS YURTS.

Keywords: Narym Ob region; Tym River; Bederevskiy Bor; Napas village; local history; archaeology; ethnography.

The article presents research on the Tym River region (Kargasok area of Tomsk region) and history of Napas village designed to identify the local population and its composition based on civil registry books and compare this information with that on sex, age and social stratification of the paleopopulation at the Late Middle Ages and Modern Era burial sites Bederevskiy Bor I and II on the river Tym. This research may be of wider study interest and is done for the first time. The burial sites of Bederevskiy Bor are situated on the territory inhabited by Narym Selkups that belong to the Chumylkup dialect group. According to E.D. Prokofieva, Napas yurts constituted the centre of a group associated with the Hawk clan called “Mulint tamtyr”. According to A.P. Dulzon and G.I. Pelikh, this village was inhabited by the Mulin family. The research has shown that average population of Napas was equal to approximately 50 people in the 19th to the early 20th centuries. It also found that for more than a hundred years, certain population of the same ethnos with an established cultural and economic way of life had resided here. The research revealed that no natural disasters or social turmoil caused by, for example, epidemics or mass migration, had been ever experienced by this area. This allows us to hypothesize that the numerical and social composition of its population had been approximately the same under same conditions in earlier periods of time. As the civil registry books contain records for the period from 1805 to 1920, we believe that the adult population designated in the records as deceased had consisted of old settlers (starozhily) and had resided in Napas at least since the second half of the 18th century. The period of Christianization of the Tym population is not yet confirmed; however it is known that by the year 1805 it had all been Christianized, and the fact that no information on any subsequent cases of Christianization is available indicates that the one-time act of Christianization of the local population took place. The existence of a standalone cemetery near the Napas yurts is a contributing factor in the study of the Tym population burial rites. The cemetery has been in place since the second half of the 19th century or, most probably, even since an earlier time. Despite the fact that the Tym population sees the Mulin family as being local and the only one to have inhabited Napas, as early as in the beginning of the 19th century, here there had also been registered members of three families, namely, the Pozygibin family, the Pykshin family, and the Mulin family. By the late 19th century, when the male line of the Pozygibin and the Pykshin families had ceased to exist, the total population of Napas and the number of Mulin families grew. This can be accounted for by the disintegration of a large patriarchal family into smaller ones which led to the emergence of one more settlement – Novyy or Napas 2.

REFERENCES

1. Toroshchin, A.G., Toroshchina, N.V. & Chernova, I.V. (2017) *Opyt сопоставления данных sel'kupского кладбища Vargananzhino s архивными и экспедиционными материалами, методика их интерпретации* [On comparing the data of the Vargananzhino Selkup cemetery with archival and expeditionary materials and a method of their interpretation]. [Online] Available from: <http://forum.tatist.ru/index.php?topic=537.0>.
2. Bobrova, A.I. & Toroshchina, N.V. (2014) *Polovozrastnye osobennosti obryada pogrebeniya naseleniya Pritym'ya v XV–XVII vekakh (po materialam mogil'nikov urochishcha Bederevskiy bor)* [Sex and age features of the burial rite in the population of Pritymye in the 15th–17th centuries (based on the burial records of the Bederevskiy Bor tract)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State Universit. Series: History and Philology*. 13(7). pp. 89–98.
3. Tuchkova, N.A., Glushkov, S.V., Kosheleva, E.Yu. et al. (2011) *Sel'kupy. Ocherki traditsionnoy kul'tury i sel'kupskogo yazyka* [Selkups. Essays on Traditional Culture and Selkup Language]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Dulzon, A.P. (1956) *Arkheologicheskie pamyatniki Tomskoy oblasti* [Archaeological monuments of Tomsk Region]. In: Flerov, V.S. et al. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Vol. 5. Tomsk: Tipografiya № 1 Poligrafizdata. pp. 89–316.
5. Prokofieva, E.D. (1952) *K voprosu o sotsial'noy organizatsii sel'kupov (rod i fratriya)* [On the social organisation of Selkups (genus and phratry)]. In: Potapov, L.P. & Levin, M.G. (eds) *Sibirskiy etnograficheskiy sbornik* [Siberian Ethnographic Collection]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences. pp. 88–107.
6. Pelikh, G.I. (1981) *Sel'kupy XVII veka (ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii)* [Selkups of the 17th Century (Essays of Socio-Economic History)]. Novosibirsk: Nauka.
7. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 144. List 1. File 1.
8. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 170. List 1. File 232.
9. Patkanov, S.K. (1911) *Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennoy sostav naseleniya Sibiri: Yazyk i rody inorodtsev (na osnovanii dannykh spetsial'noy razrabotki materiala perepisi 1897 g.)* [Statistical data on the tribal composition of Siberian population: Language and genera of foreigners (based on the data of the 1897 census)]. Vol. 2. *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu statistiki*. 11(2).
10. The State Archives of Novosibirsk Region. Fund D. 156. List 1. File 5352.
11. The Municipal Archive of the Administration of Kargasoksky District, Tomsk Region. Fund 204. List 1. File 3.
12. Anon. (1953) *Rodoslovnnye sem'i sel'kupov Mulinykh* [Genealogy of the Mulin Selkup family]. The Archives of the A.P. Dulzon Department of Siberian People's Languages. 2nd section. pp. 505–506.